

Жун Фэн вошёл в дом, неся на себе всю стужу и снег, от него исходил леденящий холод.

Но внутри этого маленького дома было тепло: в очаге ещё не догорел огонь, от него шло последнее, ласковое свечение. Пока он снимал с себя промёрзшую одежду, Бянь Хун подбросил в топку сухих веток и поставил на едва просыпающееся пламя глиняный чайник с водой.

В центре тёплого кана сладко спали двое малышей с открытыми плечиками, в безопасности и уюте. Это спокойное, надёжное пространство позволяло их телам наверстывать те сны, которые раньше приходилось сдерживать из-за постоянной нужды и скитаний. За каких-то несколько дней, наевшись и одевшись как следует, Юаньдин даже начал подрастать - его телосложение постепенно становилось более подходящим для его возраста.

В этом тихом, согретом уголке Жун Фэн чувствовал себя чужим, неуместным, будто выбивался из всей этой картины. Но лишь на миг он замешкался и тут же был строго усажен у огня на низенькую скамеечку по приказу того самого маленького ланьцзюня. Только вот лицо у того побледнело, и Жун Фэн решил, что, должно быть, его напугал окровавленный рукав. Поэтому он поднялся, собираясь сам выйти к колодцу и принести ведро воды, чтобы обмыться.

Но едва он поднялся, как чья-то рука сзади твёрдо и решительно прижала его обратно.

— Не двигайся. Сначала надо остановить кровь. Снимай, я посмотрю, — тихо, но твёрдо сказал Бянь Хун.

Он усадил мужчину на низенькую скамейку, и когда тот наклонился, чтобы сесть, вместе с понижением роста ушло и ощущение подавляющего давления, которое невольно исходило от него. Это хоть немного позволило Бянь Хуну расслабиться.

Мужчина не стал спорить, просто молча сел и начал снимать окровавленную одежду. Но рана на плече мешала ему двигаться, всё выходило неловко и с усилием. Бянь Хун некоторое время наблюдал, потом, немного поколебавшись, всё же глубоко вдохнул пару раз и подошёл, чтобы помочь. Одежда постепенно сдвигалась, обнажая рану, местами ткань прилипла к коже. Бянь Хун действовал осторожно, с предельной бережностью, но когда повреждённый участок наконец оказался на виду, ему стало нехорошо, в груди что-то сжалось, словно боль была его собственной.

Жун Фэн тут же уловил, что пальцы маленького ланьцзюня начали дрожать. Он немедленно повернулся боком, пряча от него плечо, и сказал спокойно:

— Не утруждай себя. Пустыковая царапина. Сам справлюсь.

Сидящий на низенькой скамеечке Жун Фэн теперь был ниже стоящего рядом Бянь Хуна. Может, дело было в сменившейся перспективе, может в том, что раненный всегда кажется слабее, но именно сейчас, у очага, в этом тёплом уголке, граница между тем, кто выше, и тем,

кто ниже, начала стираться.

Бянь Хун зачерпнул из глиняного чайника немного тёплой воды, смочил чистую тряпицу, отжал, а затем с бескомпромиссной решимостью развернул плечо мужчины обратно, не позволяя тому отвернуться, и принялся осторожно очищать кожу вокруг раны.

— Похоже на порез от ножа. Сзади, удар наискосок, подло - со спины. Рана неглубокая, но здешние ножи часто ржавые, а открытая рана легко воспаляется. Ты даже не представляешь, сколько людей умирают от таких вот “пустяковых” ран. Если ты думал, что достаточно обмыть и забыть, что ж, остаётся надеяться, что тебе просто чертовски повезёт.

Он говорил негромко, почти шёпотом, стараясь не разбудить детей, спящих на лежанке. Его голос звучал глухо, но в ухо Жун Фэну он ложился по-особенному. Только теперь, когда Бянь Хун заговорил длинно и подряд, он заметил в его речи лёгкий, непривычный выговор. Раньше, когда они почти не разговаривали, это оставалось незаметным, но теперь это стало слышно, и слышно отчётливо.

— Ты откуда родом? — внезапно, без всякого вступления, спросил Жун Фэн.

Бянь Хун скользнул на него взглядом. Он был особенно чувствителен к таким вопросам - здесь, в этих местах, он действительно был человеком без родины, без корней.

— В домовоей книге ведь записано, — ответил он коротко и больше ничего не добавил.

Пока говорил, он уверенно, без лишних движений очищал кожу вокруг раны от грязи и запёкшейся крови, затем вышел ненадолго и вернулся из кухни с небольшой керамической фляжкой. Это была та самая бутылка, что осталась после их похода на рынок, когда они покупали подношение для каменного духа гор. Он откупорил фляжку и, не колеблясь, вылил прозрачную жидкость прямо на рану, позволив алкоголю стечь сверху вниз, промывая повреждённую плоть.

Жгло, наверняка сильно, спирт беспощадно разъедал ткани, но мужчина лишь слегка напряг спину, и больше не выдал ни звука.

Тем временем в глиняном чайнике под разгоревшимся пламенем вода уже закипела. Бянь Хун достал из шкафа двадцать чи серой ткани, купленной заранее, нарезал её на длинные полосы, опустил в кипяток, а затем развесил сушиться у огня.

Жун Фэн спокойно сидел на низкой скамеечке, а за его спиной маленький ланцзюнь всё суетился и хлопотал, пока, наконец, не спросил:

— Травы есть?

Жун Фэн кивнул:

— В саях, я только что притащил их снаружи.

Бянь Хун снова вышел, и увидел у ворот простые сани, сбитые из дерева. На них лежал дикий кабан, а рядом несколько пернатых тушек. Он не стал разглядывать добычу внимательно, просто снял верхнюю связку трав, привязанную поверх всего.

При ярком лунном свете Бянь Хун сумел различить в пучке корень коптиса и бодяк, а вот остальное не узнал. Когда он служил в армии, ему доводилось лечить самые разные страшные, кровавые раны, но лекарства всегда выдавались готовыми - одинаковый желтоватый порошок, без указания состава. Работал он, правда, отлично.

У Жун Фэна же был свой способ лечения ран - знания, передающиеся из поколения в поколение среди стражей гор. Первое, чему его учил наставник, были не приёмы боя, а умение распознавать лекарственные растения. Однажды он даже спросил, почему сначала не учат военному искусству. А учитель хмыкнул, легонько стукнул его по лбу и с усмешкой отругал:

— Глупый мальчишка, сперва надо научиться выживать. Человек, если помрёт, уже ничем не поможет, какой из него тогда страж гор?

Бянь Хун увидел, как Жун Фэн, здоровой рукой, копается в охапке трав, выбирая нужные. Оценив вес и количество, тот, не колеблясь, собрал их в ладонь, намереваясь просто пожевать. Среди прочего там были и несколько особенно толстых корней коптиса, чрезвычайно горькие. И вот, Бянь Хун впервые увидел на лице этого молчаливого и сдержанного мужчины иное выражение - тот скривился от невыносимой горечи, плотно сжав брови, но всё равно, молча, с упрямым выражением, будто раздражённый большой кот, поднял плечи и стойко вытерпел.

Не сказав ни слова, Бянь Хун прошёл на кухню и вернулся с небольшим самодельным приспособлением вроде ступки: пестик был из осколка старого горшка и гладкого камня. Он смастерил его за последние дни, когда готовил отвары для матери Жун. Чтобы найти подходящий камень с отверстием посередине и острыми краями по бокам, он вместе с Юаньдином и Гуаньбао обошёл весь склон за домом, дойдя до самого подножия горы.

Он сел обратно у очага, взял оставшиеся корни коптиса, вымыл их, положил в самодельную ступку и обеими руками взялся за деревянные рукояти, медленно и основательно начал растирать. Со скрипучими, размеренными звуками камня по камню вместе с травами понемногу утихала и буря в его душе. Тёплый, ровный свет из печи отражался на его лице, в кувшине вода закипала, пуская вверх лёгкий, ласковый пар.

Сквозь завесу пара и отблесков пламени Жун Фэн смотрел на Бянь Хуна, и в этом свете тот казался чуть размытым, словно окружённым мягкой дымкой, тихим и удивительно

прекрасным.

Бянь Хун почувствовал на себе взгляд, который долго не отводился, и машинально поднял голову. В ту же секунду мужчина торопливо отвёл глаза, будто его поймали на чём-то неловком. Лицо его сморщилось от горечи, и, словно только что вспомнив, он поспешно сплюнул жеванный жёлтый корень.

Вскоре травы были полностью истолчены. Жун Фэн всё так же молча сидел у огня, позволяя теплу согреть промёрзшее тело, постепенно растопить в нём застывший холод и снежную стужу дальнего пути. А за его спиной тот самый юный ланцзюнь с тёплыми ладонями уверенно и неторопливо обрабатывал плечо: накладывал тканевые полосы, соединял края раны, зная, где нажать, где ослабить, как перевязать.

В доме давно уже колыхался ровный свет лампы, пока фигура у окна наконец не подошла и не задула её, погрузив комнату в тишину. И только тогда, когда в соседней комнате окончательно стихли все звуки, мать Жун, прислушавшись, наконец улеглась под одеяло, с облегчением отпуская тревогу.

Её сын больше не был тем, кто, каждый раз возвращаясь с гор, крался домой под покровом ночи, прячась в холодной комнате, на промозглой лежанке под сырой черепицей, чтобы в одиночестве зализывать раны. Теперь нашёлся тот, кто мог зажечь для него лампу.

Старуха с облегчением выдохнула, в её сердце, казалось, растворились давние тяжести, спутавшие дыхание и мысли. Она чувствовала необыкновенную лёгкость, словно в любой момент могла, подобно ветру, унести ввысь, скользя меж облаков, свободная от оков.

Утром, всё ещё в полудрёме, Юаньдин почувствовал, что ему жарко. Потягиваясь, он приоткрыл глаза и увидел, что уже давно не лежит в объятиях брата Си, а половиной тела уютно устроился в просторной, крепкой руке того самого мужчины.

Он тут же соскочил, сев на постели, быстро взглянул на всё ещё крепко спящего Жун Фэна, потом на раскинувшегося рядом, спящего вверх ногами Гуаньбао. После этого схватил новую, только что сшитую ватную курточку, лежавшую у подушки, и, накинув её, побежал к двери. Там, сжав губы, он тихонько, почти шёпотом, позвал:

— Брат Си?

Бянь Хун в это время возился во дворе, разбирая то, что Жун Фэн принёс с собой с гор накануне. Как именно тот получил рану, он так и не спросил, впрочем, слава богу, рана была неглубокой. Утром, пока мужчина ещё спал, Бянь Хун даже потянулся и осторожно коснулся его лба, проверяя температуру. Жара не было, и он невольно подумал, какой же тот крепкий, выносливый человек.

Увидев, как Юаньдин, лохматый, с торчащими волосками на макушке, выглядывает из-за

двери, Бянь Хун махнул ему рукой:

— Иди сюда, будем сжигать щетину у кабана. Это вашего старшего брата вчерашняя добыча.

Юаньдин, услышав это, радостно зашлепал по полу и тут же подбежал. Раз сам брат Си сказал, значит, будет мясо, и не просто мясо, а кабан!

Устроившись на корточках, подкидывая сухую траву и хворост на тушу, Юаньдин не удержался от вопроса:

— А когда старший брат вернулся? Я и не слышал. Утром просыпаюсь, а он уже в постели лежит, я аж подпрыгнул со страху.

Бянь Хун подбросил поверх сухой травы несколько тонких деревянных щепок, так пламя будет держаться дольше, и щетину на туше кабана удастся выжечь чище и до конца.

— Не похоже, чтобы ты испугался, — усмехнулся он. — Ночью ещё во сне сам к нему под одеяло полез.

Юаньдин при этих словах заметно смутился. Всё же проснуться в объятиях «незнакомца» ему было неловко. Он слишком крепко спал... Да и как долго прошло с тех времён, когда он с братом Си и Гуаньбао уютись на открытом склоне, в яме, продуваемой со всех сторон? Память об этом ещё была жива, но тело уже начинало предавать пережитое: оно тянулось к теплу, к сытости, к покою.

Прошло немного времени, и мальчишка, покопавшись в себе, тихо, неуверенно спросил:

— Брат Си... а этого кабана... нам правда можно есть?

Рука Бянь Хуна, державшая щепку, на мгновение застыла. Он вспомнил рану на плече Жун Фэна - длинный, косой порез от ножа. Но, взглянув на брата, в чьих глазах застыло беспокойство, как будто сама реальность была ненадёжной и готова в любой миг исчезнуть, он всё же усмехнулся, специально сделав голос лёгким:

— Можно. Только немного. Но если мы будем работать усерднее, то и съесть сможем побольше.

Юаньдин, наконец, ярко, беззаботно улыбнулся и с усердием побежал за новыми охапками сухой травы.

А Бянь Хун, глядя на тушу дикого кабана, на миг замер, словно впал в забытье, но быстро отвёл взгляд и вновь принялся за дело, ловко и уверенно.

Пока они выжигали щетину, из дома вышла мать Жун. Сегодня было солнечно, и она устроилась у двери, на длинной деревянной скамье, повернув лицо к тёплому декабрьскому солнцу. Вокруг щёлкали и трещали горящие ветки, чад от сжигаемой щетины стлался по двору, малыши сновали туда-сюда, а Бянь Хун звенел посудой и хлопотал у очага - во дворе царил живая, яркая суета. Всё это наполняло её тихим, глубоким ощущением счастья.

Щетина на туше постепенно сгорала, кожа чернела, как у обугленного тела в огне. Бянь Хун опустил взгляд и замер, его рука остановилась. Он заставил себя выбросить из головы всплывшие образы. Это не сожжённый труп. Это - дикая горная свинья, редкая добыча, из которой они получают жир, способный поддержать их всю долгую зиму. Эту тушу нужно разделывать бережно. Готовить с уважением. Есть с благодарностью.

А затем, благодаря всему этому, ещё внимательнее беречь и питать то, что подарено этим мясом - собственную живую, продолжающуюся жизнь.

<http://bllate.org/book/13502/1199898>